

Е.В. Самойлова

«ВСЯ ЭТА ИСТОРИЯ В ЭТИХ ТРЯПОЧКАХ...»: ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ КУКОЛ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI В.

Видишь, косичка, голова из песочка. Там завернуто все. <...> Сшивали, туда все, потом голову — каменная. Можно не бояться, кто нападет — стукнет. <...> Тряпкой обматывала и опять зашивала, обматывала и зашивала. Потом опять обмотаю, потом потуже, потуже и туже. Потом уж эту беленькую нашивала. Почисте. Матерьял нашла, платье сшила шелковое. Ко стене поставите там, дак будет стоять. А полный день возилась [с куклой], полный день. Придут, говорю, девчонки ко мне, а я после бани, дак мне ниче не сделать будет.

(инф. В. Князева)

Глядя на холмики, выросшие из цветных лоскутков на диване и письменном столе, на множество пестрых тряпочек, проглядывающих из картонных коробок, невольно задаешься вопросом: в чем ценность свитых женщинами из подручных материалов (часто наспех) тряпичных комочков? Имеет ли научную ценность коллекция кукол, собранная в начале третьего тысячелетия преимущественно на территории севернорусского региона, т.е. там, где процессы социально-экономических трансформаций коснулись практически всех сфер системы жизнеобеспечения?

Коллекция антропоморфных фигурок (АФ), детских игрушек и сопутствующих предметов (136) незаметно сложилась за время полевых поездок в Архангельскую, Костромскую, Кировскую, Вологодскую, Ленинградскую области, Республику Карелию¹, Республику Удмуртию², а также на Украину³ в период с 2005 по 2012 г. Большинство кукол привезено из севернорусских

¹ Кемский и Беломорский районы.

² Малопургинский район.

³ Полтавский, Пирятинский, Оржицкий районы Полтавской области.

деревень (русские), две финно-угорские куклы (карельская и удмуртская) и двадцать украинских. Практически все антропоморфные фигурки представляют реплики кукол, использовавшихся в повседневных и обрядовых практиках XX–XXI вв. (исключение составляют сувенирные куклы, приобретенные у мастеров). Собрание дополняют фотографии и расшифровки (аудио- и видеозаписей), что позволяет рассматривать АФ в контексте повседневных и ритуальных практик.

В коллекции есть реплики кукол, которые включались в свадебную и похоронно-поминальную обрядность, реконструкции детских игровых кукол. Не секрет, что ритуальные предметы не так часто попадают в фонды музеев: во-первых, по причине своей ритуальности, поскольку ритуал ограничивает время жизни такого предмета, во-вторых, исходя из специфики проведения полевых исследований, так как этнографу редко удается присутствовать во время совершения обрядовых действий, особенно когда речь идет об обрядах жизненного цикла. Отсюда интерес к фигуркам, реконструированным по воспоминаниям информантов.

Антропоморфные фигурки рассматриваются как проекционная модель культуры. Такая позиция определила и подход к сбору полевого материала: фиксация культурного контекста не ограничивалась интервьюированием, в большинстве случаев удавалось сделать запись (хотя бы фрагментарную) изготовления антропоморфных предметов и связанных с ними практик. Значение приобретает не только сама фигурка, но и сопроводительный комментарий, раскрывающий интерпретации информантов, наблюдения автора (в случаях реконструкции или непосредственной фиксации повседневных и ритуальных практик) и позволяющий определить ее функциональность, статус, роль в исследуемой системе культуры. Рассмотрим один из примеров фиксации предмета.

Одна из тряпичных кукол была привезена из Макарьевского района Костромской области в 2009 г. (МАЭ РАН. НВФ⁴ 28–25; рис. 1). История ее появления связана с рассказом Т.М. Денисовой о местном обычае одаривания молодоженов куклой во время свадебного застолья. В д. Вышково Усть-Нейского с/п ее приносила старушка: «У нас старушка смешная была. Принесет: “Смотрите, какого мне Ябливасушка сегодня подбросили”. Куклу сделает, да вот на руку и возьмет и идет: “У меня не было, глядите, появился ночью”» [инф.: Т.М. Денисова]. Старушка ходила «по родне»: «На родных свадьбах — кто родня, на чужих не ходит она» [инф.: Т.М. Денисова].

Комментарий позволяет определить функциональность предмета. С одной стороны, одаривание молодых «младенцем», может рассматриваться как прием симпатической магии в целях стимуляции продуцирующего начала. С другой — акт дарения направлен на установление и скрепление родственных связей с вновь образованной супружеской парой — старушка «по родне» ходила.

Изготовление реплики заняло не более десяти минут, включая поиски пригодного для этих целей материала. Тамара Михайловна сделала «Ябливасушка» из своей старенькой кофты: верхний конец ткани собрала в комок, под ней сделала стяжку — перевязав лоскутом, подогнула нижний конец ткани, придав необходимую пропорциональность тельцу антропоморфной фигурки.

⁴ Научно вспомогательный фонд.

Рис. 1. Тряпичная свадебная кукла «Ябливасушка». МАЭ РАН. НВФ 28-25. Изготовлена Т.М. Денисовой, 1929 г.р., Костромская обл., Макарьевский р-н, д. Вышково, 2009 г.

На голову повязала платок из кусочка цветного ситца. Получилась «узелковая» кукла: длина (без подгиба нижнего края) 54 см, с подгибом — 36,5 см, окружность головы 33,5 см.

В коллекции шесть свадебных кукол: пять были привезены из Костромской области (районы Макарьевский, Чухломский, Солигаличский) и одна из Архангельской области (Пинежский р-н). По воспоминаниям информантов, такие куклы приносили на свадьбы во второй половине прошлого века. Обычай подкладывать в постель молодоженов куклу — заместителя младенца был распространен практически по всей России. В свадебном обряде кукла выступала символическим заместителем ребенка или невесты [Виноградова, Толстая 2004: 29–30], могла подноситься в качестве дара, направленного на скрепление родственных связей между невестой и родственницами жениха, прежде всего его матерью или бабушкой [Самойлова 2013]. Поскольку вопросы, связанные с функциональностью антропоморфных фигурок в контексте свадебного ритуала, подробно рассматривались ранее [Самойлова 2009; 2013; 2016],

остановлюсь на двух примерах, позволяющих отметить процессы трансформации исследуемых практик.

В Чухломском районе тряпичная или фабричная кукла появлялась во время сценического действия, разыгрываемого участниками ритуала за свадебным ужином. Сюжет и средства художественной выразительности варьировались, но неизменно сохранялся эротико-сексуальный подтекст: «отпирание» за-слонки, протягивание полотенца сквозь кольцо, втаскивание обнаженной поварушки и т.п. В д. Григорьевской куклу-ребенка вынимали из печи и подносили молодым «Ну, как ребеночка такого... И принясут на стол. Рассматривают и разглядывают: что есть, что нет. И как родился» [инф.: А.С. Балахонская].

В Северо-Восточных районах Костромской области куклу помещали на свадебной елочке, которую выносила подруга невесты во время пиршества в доме жениха. В этой коллекции две таких куклы. Одна тряпичная, сделанная жительницей д. Панкратово в 2008 г. (МАЭ РАН. НВФ 28-23; рис. 2). Вторая фабричная, прикрепленная к искусственной ели, была получена посылкой от жительницы г. Солигалич Г.В. Суворовой (урож. д. Прокошево, Совета) в 2014 г.⁵ (МАЭ РАН. НВФ 28-1; рис. 3). Обычай сохраняется и в настоящее время.

Рис. 2. Кукла на свадебную елочку «Красота». МАЭ РАН. НВФ 28-23. Изготовлена М.И. Ермолиной, 1938 г.р. Костромская обл., Чухломский р-н, д. Панкратово, 2009 г.

Рис. 3. Свадебная елочка с куклой «дивья красота». МАЭ РАН. НВФ 28-1. Подарена Г.В. Суворовой. Костромская обл., г. Солигалич

⁵ По следам экспедиции МАЭ РАН в Солигаличский р-н Костромской обл., руководители А.И. Терюков, Т.Б. Щепанская.

Для сельского населения покупная кукла была в диковинку вплоть до первой половины XX в. и в качестве свадебного подарка не фигурировала, с 1970–1980-х годов она стала использоваться наравне с тряпичной. Рассказы информантов позволяют отметить изменения, связанные с использованием антропоморфных фигурок в свадебном ритуале.

Кукла, как и другие предметы, попадающие в собрание музейных коллекций, дает возможность более целостно представить культуру «в динамике ее развития в историческом времени», т.е. ей присуща функция отражения и фиксации времени [Поплинский 2000: 171]. Ю.К. Поплинский считает эту функцию одной из основных для этнографических вещей, пополняющих музейные фонды. Движение времени прочитывается в морфологических и функциональных особенностях предметов. Именно этот аспект и станет предметом исследования статьи, и мы рассмотрим функциональность и морфологию антропоморфных предметов коллекции в контексте времени.

Материалы и техники

«Заколдовывать время». В рассматриваемом собрании кукол лишь несколько фигурок, для изготовления которых использовали материалы, соотносимые с традиционным женским рукоделием (домотканое полотно, вышивка). Интересно, что именно эти куклы сделаны мастерами по традиционной кукле Н. Свиридюк (МАЭ РАН. НВФ 28-39; рис. 4 — подробное описание см. ниже) и М. Сысоевой (МАЭ РАН. НВФ 28-20). «Старые», «старинные» ткани определяют ценность создаваемой мастером куклы. Женщины, мастерицы кукол в селах, старались подобрать лоскуты от современных фабричных тканей: кусочки цветного ситца, реже шелка, льна, синтетических тканей.

Секрет особого статуса старинной вещи возникает в процессе перекодирования ее функциональности во времени — к такому выводу приходит Ж. Бодрийяр в своей «Системе вещей»: задача вещи «в рамках “среды” — заколдовывать время» [Бодрийяр 1999: 103]. Таким образом достигается эффект уникальности кукол, их отличия от других, произведенных теми же мастерами (противопоставление в системе ценностей «уникальное/серийное», «звено/цепь») [Там же: 103], что находит отражение и в экономическом эквиваленте (стои-

Рис. 4. «Живая кукла», «Кукла в движении». МАЭ РАН. НВФ 28-39. Изготовлена Н. Свиридюк, 1967 г.р. Украина, г. Полтава, 2011 г.

мость куклы, изготовленной из старинных тканей, существенно отличается от АФ из современных материалов). Однако в рассматриваемых случаях ни одну из кукол нельзя назвать старинной. Скорее всего, дело в конструировании статуса современной фигурки, основывающемся на построении искусственной связи настоящего и прошлого (такие случаи нередки в современной культуре) [Hobsbawm 2003: 3–5].

Мемориальные куклы. Играют со временем и мемориальные куклы. Они хранятся в память об отсутствующих (уехавших, умерших), воссоздавая нарушенную целостность пространства. В коллекции по понятным причинам могут быть представлены лишь их фотографии. Сама кукла или материал, из которого она была сделана, наделяются особым смыслом и служат связующим звеном в коммуникации.

Ничем не примечательная детская кукла может приобрести символическое значение после отъезда взрослой дочери из родительского дома. И.А. Морозов обращает внимание на происходящие трансформации: игрушка становится реликвией [Морозов 2011:147].

Куклы помещаются в одном ряду с наиболее ценными для семьи предметами (иконами, фотографиями близких, памятными изображениями, подарками), рядом с фотографиями своих хозяек, иногда заменяя их [Морозов 2011: 148–150]. Самодельная или покупная (фабричная) кукла, включаясь в контекст практик памяти, обладают равными шансами на обретение статуса мемориального предмета.

В некоторых случаях, связующим звеном коммуникационной цепочки становится материал, из которого сделана фигурка. В начале прошлого века в Нюксенском районе Вологодской области в память об умершем хранили антропоморфную фигурку (МАЭ РАН. НВФ 28-17; рис. 5), сделанную из его одежды (рубаха, платок) [Самойлова 2011: 253–257]. Ключевым звеном таких конструкций становится использование одежды умершего родственника.

Нередко изменения, фиксируемые в традиционных практиках, приводят к замещению ритуальных изображений одеждой, которая после смерти (ухода) обретает особое значение. Уже в конце XIX в. С.К. Патканов фиксировал такие процессы в традиции иртышских хантов: куклу заменяли подушкой и нательным бельем покойного [Патканов 1897: 146].

Хранение одежды умершего в апотропейческих целях фиксируется до настоящего времени в Нюксенском, Никольском и Бабаевском районах Вологодской области [Самойлова 2011: 256; ПМА, АФЭЦ,

Рис. 5. Кукла «в память об умершем». МАЭ РАН. НВФ 28-17. Реконструкция выполнена О.Н. Коншиным. Вологодская обл., Нюксенский р-н, д. Пожарище, 2009 г.

колл. 245, 247, 260 АФЭЦ, 2009–2010; ПМА 2011], в Бокситогорском районе Ленинградской области [ПМА 2014]. В Пинежском районе Архангельской области мать сохраняет рубашку рекрута весь период службы, вплоть до его возвращения [инф.: В. Арсентьева].

В конце XIX в. *в одежду ушедших* на промыслы или военную службу мужей наряжались соломенные чучела — их символические заместители [Комарова, Катушкин 1999: 18].

В контексте коммеморативных практик одежда, как и любая ее деталь, приобретает символическое значение и становится метонимическим знаком обряда [Лич 2001: 68].

Схожие принципы символического кодирования и построения репрезентативных проекций в диадных связках человек — предмет или событие — предмет обнаруживаются в практиках современных мастеров по изготовлению тряпичных кукол. Выше уже рассматривался один из вариантов изготовления сувенирных кукол, когда устанавливалась зависимость между используемым материалом и статусом предмета.

Усвоив основной набор моделей антропоморфных предметов, тиражируемый центрами подготовки специалистов по «народной» кукле, и специфику производства сувенирной продукции, новоиспеченные мастера в поисках собственного стиля переходят к экспериментам с материалами. В поле зрения попадают ткани из семейных кладовых (бабушкиных сундуков, бельевых шкафчиков и пр.), которые напоминают о событиях или конкретном человеке: «[От матери отца] Мы привезли там какие-то кружева. Ну, от [маминой] мамы остался платок: он шелковый и переливается зеленоватым. Носить его невозможно никому. А нас две сестры» [инф.: М.А. Сысоева]. Тут и возникает идея пошива куклы из этих тканей: «И я предложила маме — на ее взгляд, как мысль. Как там дальше дети будут хранить этот платок? Давай, я из него сделаю одну *городскую куклу* — это у тебя будет. Одну — Аленке [сестре], другую — тебе. Потом это передастся моей дочери, сестры дочери — это будет по женской линии» [инф.: М.А. Сысоева]. Спустя несколько лет я узнала, что мать Марии Анатольевны «определила» куклу в «молельное место»: «У мамы было молельное место на стене (в большой комнате), а когда я переселилась к ней, то большую комнату со своими тряпицами заняла я, а ее я обустроила в маленькой комнате, где и оставила после [ее смерти] “мамин уголок” (рис. 6)» [инф.: М.А. Сысоева].

В другом известном мне случае кукла была сделана по остаточному принципу из старого бабушкиного сарафана, долгое время использовавшегося как полог: «Я сшила сарафан себе, дочке и из остатков еще и куколку сделала. Вот, ощущение присутствия родного человека. <...> То же самое, ощущение, что она рядом со мной — бабушка. И кукла — это уже что-то одухотворенное» [инф.: мастер по народной кукле].

Такие куклы, как и их традиционные предшественницы, занимают почетное место в интерьере жилища: «Где-то *на видном месте поставлю*. Где-то на виду, *чтоб глаз мой всегда на ней останавливался*» [инф.: мастер по народной кукле].

Усвоенный принцип может транслироваться шире, выходить за пределы семейного круга. Так получают распространение «родовые куклы»: «Мне, когда приносят сейчас домотканину, я говорю: “Я вам сделаю сейчас *родовую*»

Рис. 6. Мемориальная кукла. «Мамин уголок» М.А. Сысоевой.
Фото М.А. Сысоевой. Череповец, 2016 г.

куклу”, потому что это же их бабушка ткала. Они вот отдают, потому что хранить — ни то ни се. А здесь вот это будет на виду, всегда перед глазами. Мне кажется, в этом есть что-то такое» [инф.: М.А. Сысоева].

Как видим, в руках современных мастеров возникают усложненные конструкции, когда в одном предмете может быть сконцентрирована память о разных людях (память о бабушках по отцовской и материнской линии), об исто-

рии поколения, семьи или память о родовом жилище. «Эта домотканина могла быть только бабушкина — маминой мамы. Они же сами растили лен, сами обрабатывали, сами пряли, ткали. Столько туда вложено. Я никогда не была в этом деревенском доме — в бабушкином, в мамином, потому что мама очень рано заболела, умерла. В этом доме мне не удалось побывать, но мне кажется: я его вижу. *Вся эта история — в этих тряпочках для меня.* Она уже сконцентрировалась. Я прикасаюсь к ним, я как бы касаюсь этого дома. И я бы уже давно съездила, но пришло известие от родственников, что деревня давно заросла тайгой и дом во время пожара сгорел. Там некуда ехать совсем. Только тряпочки остались. *Они — уже олицетворение дома, память*» [инф.: мастер по народной кукле].

Рассмотренные примеры мемориальных АФ отражают изменения, фиксирующиеся в культурных практиках: от процессов ремиссии формы со смещением акцента на ценность составляющих ее материалов к процессам ее инициализации (АФ → одежда, ткань → АФ) и трансляции (производитель/мастер — потребитель).

Теперь обратимся к морфологии антропоморфных предметов, функциональность которых не имеет прямой связи с концептом памяти.

Игровые и обрядовые куклы

«*Завертишь, перевяжешь, как голова вроде сделаешь, да и все*» [инф.: Л.Н. Клементьева]. Как уже было упомянуто, материалом, послужившим основой для создания большинства предметов этой коллекции, стали современные ткани из химических и натуральных волокон. Техники изготовления кукол вполне традиционны и сходны с теми, которые использовались женщинами в конце XIX — начале XX в.: шитьевые и бесшитьевые — «скрутки», «узелковые», деревянные куклы с подвижными деталями, конструкции на основе растительных материалов (трава, цветы, солома), деревянных чурок, веточек, глиняные, костяные и бумажные куклы.

Игрушка из фанеры «Физкультурник» была привезена из Нюксенского района Вологодской области в 2009 г. (МАЭ РАН. НВФ 28-2). Она изготовлена из трехслойной клееной фанеры. Подвижные детали (руки, ноги) присоединяются при помощи синтетической нити. Игрушка приводится в движение при помощи нити, которая натягивается с тыльной стороны кисти рук. Натяжение и ослабление нити создают имитацию гимнастических упражнений, выполняемых «физкультурником». По воспоминаниям С.С. Уланова, сделавшего фигурку, такие игрушки были популярны в кругу деревенских детей в 1940–1950-е годы.

Игрушки с подвижными деталями могли использоваться и для увеселения молодежи. Жительницы д. Ягайлово Мошенского района Новгородской области вспоминают «деревянного истукана», наряженного в рубаху с опояской и пляшущего под гусли: «В гусли играет, и веревочка дергается, а он как выплясывает ногам! А нам как интересно!» [инф.: А.С. Смылова, Е.И. Андреева].

Для набивки шитьевых кукол употребляли траву, очесы льна, золу, песок, мох, лоскут. Самой тяжелой куклой в коллекции оказалась кукла «с каменной» головой (МАЭ РАН. НВФ 28-11), привезенная из Кадуйского района Вологодской области в 2010 г. (рис. 7): «[голову] из песка делали. <...> Ино дак из

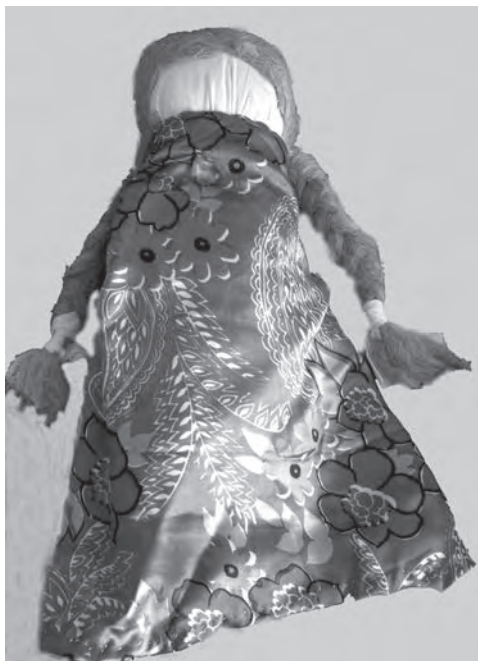

Рис. 7. Тряпичная кукла с «каменной» головой. МАЭ РАН. НВФ 28-11. Изготовлена В.И. Князевой, 1930 г.р. Вологодская обл., Кадуйский р-н, с. Никольское, 2010 г.

глины делали. Сшивали, туда все, потом голову [пришивали] — каменная. Можно не бояться, кто нападет — стукнет» [инф.: В.Н. Князева].

Использовали песок для формирования кукольной головы и в финно-угорской традиции: «Ваты и то нигде было по-путнѐму, где взять, чтобы сделать куклу. Это иногда щелбанѐшь кого-нибудь по голове песком-ты — набитая головка, дак синяк будет» [инф.: ж. ок. 70 л., карелка]. Современные мастера создают объем при помощи синтепона или ваты.

Варианты антропоморфных конструкций подробно рассматриваются в работах С.В. Комаровой, И.А. Морозова, О.С. Найдена, Галины и Марии Дайн и др. [Морозов 2011; Комарова, Катушкин 1999; Комарова 2004; Найден 2007; Дайн 2007]. В какой-то степени куклы, которые были созданы из современных материалов с сохранением традиционной технологии, родственны «ржавой мереже» и представ-

ляют материал для исследования принципов трансляции культурных кодов [Щепанская 2011: 48–61]. Т.Б. Щепанская обращает внимание на использование нового материала в традиционных промыслах: *настоящее легитимируется прошлым* [Щепанская 2011: 52].

Конструктивные особенности антропоморфных предметов в игровых и обрядовых практиках: параллели. Рассмотрим несколько примеров, позволяющих увидеть общие морфологические признаки антропоморфных предметов (конструкции, замещающие материалы) в игровых и обрядовых практиках. К числу наиболее редких антропоморфных фигурок, встречающихся в восточнославянской культурной традиции, можно отнести детских каменных кукол из Болховского района Орловской области [Покровский 1994: 90]. Их использовали в современных игровых практиках: «играли с камнем, пеленая его как куклу» [Морозов 2011: 38].

Пеленая камня в традиционной культуре Северо-Запада ассоциируется с сакральными объектами. Например, неподалеку от кладбища в д. Чудцы (Бокситогорский район Ленинградской области) по описаниям и полевым материалам Т.Б. Щепанской находился каменный крест, в одеждах умерших детей он походил на покинутого на улице младенца. Подобное наблюдал и А.А. Панченко [Панченко 1998: 183].

В финно-угорской традиции в ритуальных целях использовали небольшой камень, обмотанный соломой: «называлась кил[а]». Кила предназначалась отстающему в уборке поля хозяину, а в советское время — колхозу. В Великоустюгском и Никольском районах Вологодской области не поспевшему

ко времени с вывозом на поле сажали или кидали на телегу куклу: «Кила тебе!» [Морозов, Слепцова 2004: 340].

Килу для запаздывающего с уборочными работами приносили и на Средней Пинеге. В местной традиции в этих же целях использовали сделанный из тряпочек фаллический символ: «В чулок старый все наделают, поставят — побольше, чтоб издалека видно было <...> Встанешь утром. — Господи, красе! Ну, настоящий! Два-то яичка! А колбаса — в виде морковочки! Вот уже *кила*. А че, хорошо ведь. Мошня!» [инф.: В.В. Арсентьева, Н.М. Козьмовская, М.В. Туголукова, М.Н. Минина]. На ткань не скупилась, чтобы издали видно было. Тряпичные детали привязывали к палке и устанавливали на поле. Реплика ритуального предмета, привезенного из д. Лохново, представлена в описываемой коллекции (МАЭ РАН. НВФ 28-29).

Перейдем от общих признаков к дифференциальным и сфокусируем внимание на предметах, уникальность которых связана с конструктивными материалами.

Костяные куклы. И.А. Морозов рассматривает куклы из «костных остатков» как маркер принадлежности к культуре народов Сибири, получивший наибольшее распространение в шаманских культурах [Морозов 2011: 40–41]. В восточнославянской традиции костный материал (лодыжки) также использовался в детских играх, обычно подвижных, носивших состязательный характер, тогда как упоминания о куклах из кости в культуре восточных славян (по этнографическим материалам XIX–XXI вв.) не встречаются.

Отсюда интерес к игрушке, привезенной из Яранского района Кировской области (русские). Это два предмета из куриных костей — «лошадь с дугой и сани», сделанные из килевой, вилочковой (ключичной) и тазовых костей курицы (рис. 8). В комплекте с ними шесть игровых кукол из овечьих и сви-

Рис. 8. Игрушки из куриных («лошадь», «сани») и овечьих (шесть кукол) костей Н.М. Колчиной. МАЭ РАН. НВФ 12-1/1–11. Кировская обл., Яранский р-н, д. Дворяне, 1950–1960-е годы

ных лодыжек разного размера («детки», «постарше детки», «мама с папой») (НВФ 12-1/1—11). Девочки использовали повозку с куклами для игры «в гости». Для хранения костяных предметов «коробочки были или обычный горшок, который уже разбитый» [инф.: Н.М. Колчина].

Подобным образом мастерили игровые повозки из костей диких уток или домашних гусей в Удорском районе Республики Коми. Для изготовления «лошадей», «дуги», «саней» использовали сходный костяной набор (киль, ключицу и тазовые кости птицы). По воспоминаниям петербургского исследователя А.И. Терюкова, с такими игрушками забавлялись дети 5–10 лет: из нескольких повозок собирали «поезд», «куда-то ехали по полу, или по лавке, или по столу». Для хранения «лошадки» использовали расщелины в матице или в стене, «чтобы она [игрушка] не ломалась и не попадала [под ноги]. Вставлял кто-то из взрослых. Какого-то обязательного [места] не было — куда вошло»⁶.

Параллели возникают с игрой «в обозы», распространенной на территории Сибири в мальчишеских кругах. А.Д. Назаркин отмечает, что «лошади» из надкопытных костей животных, «сани» из лозы или спичечного коробка использовались для имитативных игр в гужевой извоз, являвшийся доходной статьей в бюджете сибирского крестьянина, и подготавливали детей «к будущей трудовой деятельности» [Назаркин 2009: 17].

Такие игрушки были популярны у деревенских ребятишек и использовались в игровых практиках вплоть до начала второй половины XX в.: «Это тоже у всех были в деревне игрушки такие. Но как-то так, все относились очень халатно: быстро ломали» [инф.: Н.М. Колчина], «ими не дорожили, потому что это был такой массовый предмет: дети поиграли, поломали, выбросили» [Терюков А.И.]. Возможно, именно хрупкость была одной из причин, по которой игровые предметы из куриных костей (в отличие от достаточно прочных лодыжек) не попадали в поле зрения исследователей.

Комплект костяных игрушек был передан Н.М. Колчиной, не так давно вернувшейся в свой родовой дом в д. Дворяне. Здесь наряду с предметами быта и хозяйственной утварью сохранились и детские игрушки: две деревянные куклы, сделанные по просьбе девочки братом (они также вошли в коллекцию), черепки от битой посуды для игры «в секретики» и игрушки из костей (МАЭ РАН. НВФ 28-7, 28-8).

Предметы из кости находились в деревянной шкатулке, сделанной отцом Нины Михайловны Колчиной: «Эту шкатулку мне сделал папа в 1952 году. Десять лет мне было» [инф.: Н.М. Колчина]. Она охотно откликнулась на просьбу об изготовлении копии этих игрушек и даже с соседкой договорилась о приобретении домашней курицы. Оказалось, что для изделия подходят только кости старой птицы, а продукция наших птицефабрик с гуттаперчевым костным материалом в расчет не идет. Но получилось так, что в силу непредвиденных обстоятельств нам встретиться не удалось. А спустя некоторое время я получила посылку с детскими игрушками Н.М. Колчиной, в том числе и комплект костяных игрушек из отцовской шкатулки.

В феврале 2011 г. Нина Михайловна приняла участие в проведении мастер-класса по изготовлению игрушки из куриных костей и дискуссии «Народная

⁶ Комментарий А.И. Терюкова заведующего отделом этнографии восточных славян и на родов Европейской части России МАЭ РАН при обсуждении темы в отделе МАЭ в 2013 г.

Рис. 9. Н.М. Колчина. Изготовление игрушки из куриных костей.
На семинаре в МАЭ РАН. Санкт-Петербург, 2011 г.

игрушка и феномен локальной традиции»⁷ (рис. 9). На этот раз удалось не только зафиксировать технологию изготовления предметов, но и получить на-

⁷ Семинар в рамках проекта «Аспекты будущего по этнографическим и фольклорным материалам (предсказания, утопии, реалии)» (далее семинар), руководитель Т.Б. Щепанская, 16.02.2011.

учный комментарий А.К. Салмина. Он отметил ряд сходных и дифференциальных признаков рассматриваемой практики в восточнославянской и финно-угорской традициях, затронул вопросы построения семиотического поля: «Семантика птицы — гуся, курицы — связана с обрядами перехода, с духами наших умерших предков — с умершими родственниками. Проводы в солдаты и выход замуж тоже сопровождаются гусями и курицами. На общесельских праздниках эти птицы не присутствуют, потому что семантики смерти, связи с иным миром на этих праздниках не должно быть».

В Батыревском районе Чувашской Республики кости птицы имели те же названия, что и в Яранском р-не Кировской области: «Такие же дужки, такие же лошадки, такие же грудки, крылья, ножки, голова, шея и т.п., получается абсолютно одинаково» [семинар: А.К. Салмин]. Грудинку птицы называли *лошадка*, мясо с этой кости снимали аккуратно, стараясь не повредить, так как, по существующим представлениям, «лошадка» (киль) рассматривалась как символическая проекция хозяйской лошади, «лошадка — это сакральная часть, она не принадлежит никому, остается на столе. Просто оттуда отделяется мясо и дается кому надо. Шею грызть ни в коем случае нельзя. И вообще вся курица разделяется по суставам» [Там же]. При разделе птицы никогда не использовали нож, разбирали руками.

Во время трапезы, связанной с весенним поминовением предков (праздник *Мункун*), старшая женщина в семье разбирала вареную тушку курицы на сорок одну часть: «Число сорок — это символика смерти. А переступить за сорок — это уже смысл жизни начинается. Переступить. То есть [появляется] надежда на оживление: и эта курица должна ожить, и этот гусь, и эта семья, и тот, который съедает, и все-все. Все должно возвращаться круговоротом» [семинар: А.К. Салмин].

Возможность для верификации собранных материалов появилась в ноябре 2011 г. во время поездки в Малопургинский район Республики Удмуртия.

Рис. 10. Сани из гусяной кости. МАЭ РАН. НВФ 28-30/1.
Изготовлены Л.В. Соловьевой, И.Н. Коротаевой. Республика Удмуртия,
Малопургинский р-н, с. Иваново-Самарское, 2011 г.

Оттуда были привезены две детские игрушки: сани из килевой кости гуся (рис. 10) и тряпичная кукла (МАЭ РАН. НВФ 28-30/1–2). Эти предметы также предназначались для игры «в гости» и включались в игровые практики девочек. Жители Малоपुरгинского района называли килевую кость птицы «сани», Завьяловского — «лодочкой»: «Мясо белое отдираешь и там *косточка-лодочка*. Эта косточка называется лодочкой, можно пускать даже [по воде]. <...> Нам вот говорили, что это как лодка. Она походит. Сейчас, если так посмотреть, разобрать это хорошо, не ломая, это же получается очень красиво. Видно, что действительно плыть должна она» [инф.: Л.П. Богданова, Е.А. Шитова]. На стол старались птицу целиком не ставить, особенно в дни свадебных пиршеств: «Раньше целиком не ставили — не помню я. Птица — счастье, [счастье] улетит с птицей, если ставить целиком — счастье улетит. Старались все кусочками, кусочками в печку ставить» [инф.: Л.П. Богданова].

Для того чтобы изготовить «сани», кость хорошо «объедали», не промывая, высушивали на печи: достаточно длительный процесс, занимал около пяти-семи дней, и дети постоянно бегали проверять — «не готова ли?» Когда кость подсыхала, можно было без особых усилий слегка надломить низ, чтобы добиться большей устойчивости «саней». С обеих сторон привязывали нитки или тесемки, за которые возили «сани» с куклой. На «санях» катали небольших тряпичных кукол или покупных «пупсов»: «Их туда сажали. Ткани маленькие кусочка она [мама] давала, шила. Вот, и туда [сажали]. Раньше постоянно, часто ездили в гости на санях. <...> Мы видели это, и так играли пупсиками» [инф.: Л.В. Соловьева].

В селе Вад-Селищи Zubovo-Полянского района Республики Мордовия курицу обязательно подавали во время праздничного застолья в Троицу. Грудинка предназначалась хозяйке. По воспоминаниям одной из сельских жительниц, после праздника ее бабушка приносила килевую кость в комнату и оставляла на столе. «И долго-долго она у нас на столе стояла. И вот, никак не могу вспомнить, и не спрашивала я, зачем она ставила. Потом она ее бросала <...> не поросят там, не кому-то, [а] вот именно курам» [инф.: ж. ок. 40 л.]

Костяные игрушки появлялись у ребятшек в период сезонной охоты или заготовки мяса домашних животных и птицы: «Водоплавающая [птица], когда перелет идет, тогда ее бьют, когда разрешена охота. А дворовая — осенью. По необходимости пускали в еду: в пищу она шла почти все время, поэтому и появлялась все время *новая игрушка*» [А.И. Терюков]. «Это куриные косточки, когда зимой [играли]. *Игрушки зимние*» [инф.: Н.М. Колчина].

Изготовление сезонных игрушек, в том числе и антропоморфных, связано с доступностью некоторых видов материалов только в определенное время года. Это весенне-летние куклы из цветов и травы, осенние — из овощей и корнеплодов, зимние костяные куклы. Некоторые из них представлены в рассматриваемой коллекции. Не отступая от предложенной аналитической схемы, обратим внимание на *морфологию и функциональность сезонных кукол* в контексте практик, предопределивших их появление.

Антропоморфные фигурки в игровых практиках годового цикла. Календарные куклы. Обычно в перспективе календарного времени исследователи рассматривают антропоморфную символику, используемую в ритуалах (святочных, масленичных, троичских, купальских, жнивных и пр.). Они достаточно подробно описаны в этнографической литературе, чего не скажешь о детской

игровой кукле (разумеется, сезонной) [Зеленин 1995: 135–138, 234–288; 1994: 230–231; Пропп 2000: 81–123; Бернштам 1988: 175–180]. Не то чтобы она забыта совсем. Автор «Детского народного календаря» Г.С. Виноградов останавливает внимание на некоторых значимых элементах детской игры с куклой: куклы «для мелюзги из куколя (агростеммы, полевой гвоздики)», сезонные сказки девочек о «живой кукле», обитающей (в зависимости от временного периода) под землей или под снегом, зимние игры с куклами [Виноградов 1998: 13, 20–21, 24–25, 27].

В те годы Г.С. Виноградов оказался единственным, кто обратил внимание на взаимосвязь норм, регулирующих детские игры с куклами, с обрядовыми практиками. О них будет сказано ниже. После значительного разрыва во времени эта тема была продолжена И.А. Морозовым.

В большинстве публикаций, посвященных детской кукле, авторы ограничиваются описанием кукол, появившихся в летний период и в начале осени. Разнообразные фигурки из растений, соломы, веточек, огородных культур представлены в работах российских и украинских исследователей [Морозов 2011; Дайн 2007; Найден 2007; Герус 1997; 2004]. Внимание авторов концентрируется на морфологических признаках игровых фигурок. Сезонные хозяйственные практики, обеспечивающие материал для детских игр, как правило, остаются в тени.

Как было сказано выше, в *осенне-зимний период* популярностью пользовались *игрушки из костей животных и птицы*. Изобилие необходимого материала в этот период времени объяснялось сезонной заготовкой мяса птицы и домашних животных. Кости тщательно промывались, иногда вымачивались в крепком соляном растворе, сушились, после чего передавались детям: «Мы — уже невтерпеж — ждали: “Ну, скоро, нет?” Минимум три дня. Может там неделя. Или нарочно ждали, чтобы у нас терпение было. Так надо было, чтобы хорошо просушить эти кости. <...> А раньше другие печи были и на этих (уступах) сушили перед печкой. Детей в некоторых семьях было много, но они долго ждали» [инф.: Л. Соловьева].

В Иркутской области материал для костяных игрушек представлял остатки обрядовой пищи и попадал в руки детворы в канун Васильева дня [Виноградов 1998: 12]. В ход шли кости свиных и овечьих ножек, использовавшиеся для приготовления традиционного блюда. Связь с ритуальными практиками прослеживается и в финно-угорской традиции.

По наблюдениям Е.В. Поповой, у бессермян до настоящего времени сохранилась традиция закалывать гуся или курицу после посещения кладбища в дни осенних поминок [Попова 2004: 164]. Сходный обычай фиксируется и в Малопургинском районе Республики Удмуртия (откуда костяная игрушка из гусяной кости, см. выше).

Костяные сани и лошадь из куриных костей, привезенные из Яранского района Кировской области, могут иметь свои гипотетические параллели. В числе источников, послуживших основанием для статьи Д.К. Зеленина [Зеленин 1994: 105–150], четыре описания обряда «троецыплатницы» относятся к Котельническому уезду и одно — к граничащему с ним Яранскому. Прослеживается единый *принцип цельности* в отношении приготовления костей обрядовой курицы и детской игрушки: «кости должны оставаться целыми». А.К. Салмин отмечает тот же принцип и в традиционной культуре чувашей.

Рис. 11. Куклы из рыбьего пузыря. МАЭ РАН. НВФ 28-95, 28-96. Реплики кукол Р.Н. Силкиной изготовлены Н.А. Митрошкиной. Вологодская обл., Вытегорский р-н, д. Кельи. Вытегра, 2013 г.

Что касается сезонной приуроченности, Д.К. Зеленин выделяет весенние и осенние праздники и отмечает связь троещиплятницы с осенними Кузьминками. В Архангельской области⁸, как и у финно-угорских народов, домашняя птица (курица/гусь) становится обрядовым блюдом в дни поминовения предков: кур резали на поминки, а в Центральных районах России — в праздник «Косьмы и Дамьяна», чтобы почтить память святых.

В коллекции кроме упомянутых выше игрушек из костей птицы есть два набора овечьих лодыжек (МАЭ РАН. НВФ 28-31/1–5, 28-32). Один был привезен из д. Кобелево Пинежского района Архангельской области (2011) и предназначался для игры с куклами «в стадо»: кости-«коровы», кости-«суслоны». Второй — из д. Артемьево, Шекснинского района Вологодской области (2005) — использовался для настольной игры «в лодыжки»: «Вот игрушка хорошая! Это надо стрекать, ежели эдакая, надо в эдакую попасть [попадали в лодыжку, которая лежала на том же ребре. — Е.С.]. Попала в две — выходишь. У нас все играли. И большие сядут, играют целым вечером» [инф.: А.П. Голубева].

К сезонным относятся и куклы, сделанные из *рыбьего пузыря*. Две куклы, напоминающие младенцев — мальчика и девочку, поступили из Вытегорского района Вологодской области (МАЭ РАН. НВФ 28-95, 28-96; рис. 11). Игровые фигурки изготовлены из рыбьего пузыря, спеленатого хлопчатобумажной тканью и перевязанного атласной лентой. Цвет ленты служит маркером пола

⁸ Из полевых наблюдений Д.А. Баранова, заведующего отделом этнографии русского народа Российского этнографического музея, при обсуждении темы, 2013 г.

ребенка: кукла-мальчик обвита голубой лентой, кукла-девочка — розовой. Материал для таких кукол появлялся в период сезонного лова рыбы. Для детских игрушек использовали тщательно промытый и высушенный пузырь крупной озерной рыбы [инф.: Р.Н. Силкина, 1925 г.р.]. Куклы из рыбьего пузыря были привезены Н.А. Митрошкиной из д. Кельи Ладвозерского с/п. В коллекции МАЭ РАН хранятся реплики предметов, выполненные Н.А. Митрошкиной в 2013 г. Рыбий пузырь упоминается этнографами в числе материалов, используемых для погремушек, но в качестве конструктивной основы антропоморфных фигурок фиксируется впервые.

Осенью, когда начиналась уборка и заготовка огородных культур, девочки приспособивали для игры в куклы небольшие тыквы, кабачки, початки кукурузы: «Тыква, на нее платочек — и вот тебе уже и кукла. А маленькая — как неваляшка [составляют две тыквы: одну круглую — голова и одну продолговатую — тело. — Е.С.]. Тут скреплялося прутиком» [инф.: Е.И. Федоренко] (в коллекции есть фото этой куклы); «Мы делали куклу из кукурузных початков. Делали волосы, вот так оде-вали» [инф.: Л. Соловьева]. Кукла из небольшого кукурузного початка в юбочке и платочке была сделана Е.И. Федоренко из с. Шмыгли Полтавской области (МАЭ РАН. НВФ 28-33; рис. 12).

Рис. 12. «Кукла із початку».

МАЭ РАН. НВФ 28-33.

Изготовлена Е.И. Федоренко (ок. 65 л.).

Полтавская обл., Полтавский р-н,
с. Шмыгли, 2010 г.

Бахчевые культуры вызывали интерес не только у девочек. В Новоржевском районе Псковской области в период Святков парни пугали «светящейся головой» (зажженная свеча помещалась внутрь тыквы) [Народная традиционная культура 2002: 417]. В первой половине XX в. на Украине подростки могли мастерить из тыквы пугало, которым пугали небольших ребятяшек: «Зрізують вершочок, ви-чишчають середину, прорізують ножем очі, ніс, здоровенного рота. В рот настромлюють паличок і виходить, ніби це опудало вишкірює зуби, а в середину ставлять запалену свічку» [Воропай 2007: 393].

К сезонным можно отнести игрушки из лыка, для изготовления которых использовали отходы от ремесленных изделий. Такие игрушки появлялись у детворы в зимнее время: «Зимой плятут лапти, а мы с таких — обрывочки лык — [мастерим] ня дают харошаи. А мы с таких сабачку сделаем, карову и лошадь. Играем,

играем. Вот какие были игрушки. Как-то вырежем, на ноги поставим. На карову рага делаем. Вот какие были игрушки. Не так, как сейчас ани валяютца. Играем, кормим. Играть-то нада дитям. Сидим. Это твай, это май. Пасём у поли» [инф.: А.К. Смирнова].

В коллекции две куклы из древесной коры, привезенные с Полтавщины (МАЭ РАН. НВФ 28-34, 28-35). Они также изготовлены по остаточному принципу, с той разницей, что в этом случае используются отходы от сувенирной продукции — изделий народных промыслов.

В молодежных играх зимнего периода популярностью пользовались соломенные куклы, часто как маркеры нормативных нарушений в период брачных игр молодежи. Соломенные фигурки появлялись у домов «засидок» (парней и девушек, приблизившихся к границе брачного возраста), вольного поведения, неудачного сватовства [Агапкина 2002: 206; Морозов 2011: 224].

В Харовском и Грязовецком районах Вологодской области в период Святков кукол из соломы ставили у домов женихов и невест. «Из соломы куклы делали — привязывали. Если который парень-от гуляет с какой девкой, дак ту девку — из соломы сделаем куклу, дак парню и привяжем. За три километра бегали. <...> Вот, если что-то, я, может, с каким-то парнем гуляю, так от: сделали куклу, подписали, вырядили, да и привязали к тому парню невесту» [инф.: А.А. Зиновьева]. В Грязовецком районе, оставляя куклу у дома, кричали: «Иван, не заморозь Марью» [Морозов, Слепцова 2004: 552]. В Харовском районе маленьким детям таких кукол не делали: «Из соломы [кукла], может уткнуться ребенок» [инф.: М.П. Широкова], в этой традиции они использовались в качестве ритуальных символов. Игровые соломенные куклы получили распространение в южных, центральных и северных районах России, на Украине [Морозов 2011; Герус 1997; 2004; Найден 2007; Дайн 2007].

В Печорском районе Псковской области в Святки парни могли поставить у дома девушки куклу из снега или соломы: «Снежную куклу куда-нибудь устроить. Другой раз — к дверям или к окну. Глаза делают с углем, там рисуют... Бальная. Где у каво девушка е» [Народная традиционная культура 2002: 243].

Солома используется во многих обрядовых практиках этого периода: у украинцев, белорусов соломой устилают стол и лавки в рождественский сочельник, из нее же делают «дидуха» (в районах Западной Украины с антропоморфными признаками), соломой обвязывают плодовые деревья, ее сжигают в ритуальном костре и пр. [Зеленин 1994: 164–178; Воропай 2007: 38–40, 92–93].

Проекцией святочных обрядовых практик могла становиться и детская игровая кукла [Морозов 2011: 153–157]. В Пинежском районе Архангельской области дедушки делали для внуков деревянных человечков — *чиликунов*: «Вырезал какого-то человечка, и вот шлем какой-то у него был — как кукла деревянная. Голова была головой. Вот здесь был такой шлем, просто вырезано было. Деда делал ручки. И вот здесь он тоже так вырезал. Это все из дерева делали такого чиликуна. То вообще иногда просто ручки сделает выпуклые» [инф.: В.В. Арсентьева, М.В. Туголукова].

По народным поверьям, чиликуны появлялись со второго января и обитали до Крещения: «А у нас было представление [что чиликуны] как солдаты. Да, как военные люди. Они из проруби выходили. Как тридцать три Черномора [богатыря], так и дядька Черномор. Со второго января они выходят чиликуны

и до Крещения, до девятнадцатого. Скажет, чиликуны выйдут из проруби. А мы вот боялись, в детстве мы боялись... Бабушка Василиса говорила: “Вот идут — чивы, чивы. Мороз. Да скрип ножками. Да схватят вас из окна-то. Бойтесь, бойтесь”, — говорит. Так и представляли. Рожки ти остры, жопы ти пестры. Как чертики, как чертики» [инф.: В.В. Арсентьева, М.В. Туголукова].

В Иркутской губернии и в Забайкалье появление шулюканов связывалось с запретом на прядение и игру в куклы [Виноградов 1998: 27]. В Вологодской области (Вашкинский, Великоустюгский, Харовский районы) приход шулюканов, куляшей, кудес, святок и кикимор, как раз наоборот, сулил разнообразные подарки — ленты, сладости, игрушки: «“Кикиморы сейчас придут, давайте, спите. Они вам куклы принесут, еще чего нанёсут”. Дак мне мама наделала кукол, под лавку положила, что “это кикиморы тебе принесли”» [Морозов 2011: 155–156]. Следовательно, апелляция к образам мифологических персонажей, контекст обрядовых практик использовались для легитимации норм в этнопедагогике (запретов, предписаний), в том числе и для регуляции детских игр с куклой.

Летом и весной кукол делали из цветов, глины, травы, мха (из него делали волосы для тряпичных кукол и использовали как материал для набивки), молодых побегов клена и прочих растительных материалов, недоступных в другое время года [Морозов 2011: 38–39]. В начале XX в. девочки расцвечивали свою и кукольную одежду натуральными красками: «Ягоди нестиглої шовковиці та суниці дають їм червону фарбу, стигла шовковиця — синю, трава та листя дерев служать матеріалом для зеленої фарби» [Воропай 2007: 322]. В настоящее время красители из природных материалов (с той же целью, что и домо-каное полотно) используют мастера по традиционной кукле.

Тряпичные, фабричные. В севернорусской сельской традиции тряпичными и фабричными куклами играли круглогодично, с той разницей, что зимой находились в помещении избы, а летом перемещались в небольшие деревянные домики — «бугры» (арх.), построенные отцами и дедами специально для таких игр. В Иркутской губернии в конце XIX — начале XX в. девочки могли приносить кукол на посиделки: «Идешь на посиденку, несешь прялку и везешь повозочку с куклами» [Виноградов 1998: 27]. Время для игры в куклы находили и во время сельскохозяйственных работ.

На поле матери делали незамысловатых кукол из платков, травы для забавы малышам. Кукла «Сенокосница» («Уросница») попала в коллекцию из Усть-Нейского района Костромской области (МАЭ РАН. НВФ 28-27; рис. 13). Она сделана из куса хлопчатобумажной ткани красного цвета (лоскут, размером с головной платок): «Детей девать некуда было, брали с собой. Ну, зауросил ребенок — сняли с головы платок. Ребенок капризничал — как у нас говорили “уросил”. Вот, делали такую куклу. Ну, голова могла набиваться сеном, могли подложить травки или чего-то» [инф.: В.Н. Переломова].

«Сенокосницу» можно отнести к разновидности *оказиональных кукол*, которых бабушки и матери делали по случаю, чтобы утешить ребенка [инф.: Л.М. Кичигина]. «Я хорошо помню, что мама своим внукам с головы платок снимет, чтоб он не ревел — ребеночек. Она быстренько — шик, шик [свернет куклу]. <...> “Не вопи, не вопи, полно вопеть”. Сейчас бабушка тебе куклу делает. А ребенок глазенки вытарашшит и трясет [куклу]» [инф.: Л.М. Кичигина].

Рис. 13. Тряпичная кукла «Сенокосница».
 МАЭ РАН. НВФ 28-27. Изготовлена В.Н. Переломовой.
 Костромская обл., Нейский р-н, п. Коммунар, 2009 г.

Девочки-подростки мастерили кукол сами. М. Туголукова вспоминает, что шила куклу, когда приходилось пасти вместе с младшим братом свиней: «Я эту куклу шила, наверно, мне лет семь было. Мама работала на свинарнике, и мы пасли свиней. И вот, пока свиньи гуляют, сидишь, ждешь. Или пока кушают. И вот, мы в это время шили, сидели. Шила сидела куклу» [инф.: М.В. Туголукова] (МАЭ РАН. НВФ 28-36). Старшие девочки могли шить кукол «на заказ» — для младших сестер и подруг: «Скот пасла у хазяев, а девчата хадили. Тряпок насилили ка мне в поле. — Ну, Насть, ну, сделай. Сшей мне куклу. — А от, пасите, глядите каров — буду шить» [инф.: А.К. Смирнова].

Здесь же играли, в том числе и «в похороны кукол»: «От пасём. Там и хароним. [Прямо на пастбище?] Конечно. Няужели на магилки насили? А мы ж сваи делаем. Пригалашавали. Мы ж слыхивали как галасили взрослые па пакойникам. И мы также: Ой, пачаму ты умёр? / Ой, пачаму ты умёр? / Ой, как скучнѣханька нам» [инф.: А.К. Смирнова]. Игра «в похороны» достаточно подробно рассматривается петербургским этномузыкологом Е.С. Редьковой [Редькова 2008], автор обращает внимание на фольклорные тексты, фиксируемые в детских игровых практиках.

Разнообразие конструктивных форм, в какой-то степени и предназначённость, ролевое начало антропоморфных фигурок определялось как техниками, так и используемыми материалами. И.А. Морозов приходит к выводу, что «материал и форма кукол этнокультурно маркированы» [Морозов 2011: 44]. Это находит подтверждение и в наших материалах. Сомнения вызывает тезис московского ученого, согласно которому компоненты для изготовления кукол могут использоваться в качестве признака «скотоводческого или земледельческого типа хозяйства, характерного для данного культурного ареала», а фарфоровые куклы — как отличительный знак городской культуры⁹. Потому что для системы жизнеобеспечения восточных славян характерно сочетание различных приемов и технологий, применяемых для использования природных ресурсов (комплексный культурно-хозяйственный тип). Можно предположить, что в исследуемых этнических группах для создания кукол в ход шли всевозможные остатки от различных видов хозяйственной деятельности человека различных видов, и в большей степени от женских повседневных занятий (женское рукоделие, птицеводство, огородничество).

Так, в Яранском районе Кировской области летом делали травяных кукол, а зимой играли костяными фигурками. Та же картина в Малопургинском районе Удмуртии: сани из гусиной кости были зимней игрушкой (см. выше), а летом могли играть с куклой из кукурузного початка. А игры в «лодыжки», «бабки» были распространены как у восточных славян, так и у финно-угорских народов (при этом соотношение промысловых и сельскохозяйственных практик, фиксируемых в этнической группе, может быть различно). Иными словами, материал, из которого сделана кукла, может рассматриваться как маркер хозяйственных практик: скотоводства, птицеводства, огородничества и прочих, сезонных работ. В случаях с детскими игровыми куклами очевидна сезонная приуроченность игровых атрибутов, их связь с сельскохозяйственными и ремесленными занятиями, доступным природным материалом.

Куклы, играющие со временем. Точнее, куклы, предназначенные для игры со временем. Ограничусь одним примером: историей куклы «Дины»¹⁰. Она была приобретена много лет назад в сельском промтоварном магазине. Ее хозяйка искала подарок на свадьбу невесте племянника, решила купить сразу двух кукол: одну в подарок, одну себе. «Я Гальке на свадьбу такую купила и себе. Так-то я подарила. А себе — для красоты. У меня выросли и Катя и Света, дак они ничего [не поломали куклу]. И сейчас эти маленькие [внучки], опять, я им не даю в руки. Так, чтобы поиграть. А на все время — я не даю. *Потом память вам будет бабушкина*» [инф.: Л.Н. Клементьева].

В интерьере кукла занимает почетное (видное) место: «Она сидит на серванте там — наверху». Дочки и внучки хорошо знакомы с предметом, знают о его особом статусе («бабушкина кукла, не для игры, для красоты»). Все эти годы Л. Клементьева формирует предмет памяти, кодирует информацию для передачи в будущее: кукла, как губка, впитывает настоящее, чтобы воспроизводить прошлое в будущем.

⁹ Куклы с фарфоровой головой «или же совсем фарфоровые» были распространены у зажиточных крестьян уже со второй половины XIX в. [Покровский 1994: 91].

¹⁰ В коллекции есть фотография этой куклы и видеозапись, в которой Л. Клементьева поет колыбельные песни у зыбки, в которой лежит кукла (ПМА АФЭЦ, ОВФ: 1464, фото 2031 2058. Вологодская обл., Нюксенский р н, д. Пожарище, 2009).

Материал соотносится с категорией времени и представляет одну из его предметных проекций. Антропоморфные фигуры интегрируют время. Возникает единство прерывного и непрерывного. Мемориальные АФ связывают прошлое с настоящим, создавая иллюзию сохранения прерванной связи (АФ как точка фокусировки прошлого в настоящем). Связующим звеном может быть одежда отсутствующих (рекрута, умершего) или событие, с которым ассоциируется изображение. Тот же принцип используется в некоторых образцах сувенирных кукол (Ж. Бодрийяр, эффект «заколдовывания времени») и в тех тряпичных куклах девочек, которые были сделаны из старого лоскута или из обветшавших предметов женских рукоделий. Использование старых тканей в детской и сувенирной кукле приводит к конструированию противоположных статусов (высокий/низкий).

В кругах исследователей народной культуры и мастеров, возрождающих традиционные промыслы, фабричная кукла сопоставляется с тряпичной игровой (самодельной) и нередко «проигрывает» (по причинам, описанным выше), тогда как практически все информанты, проживающие в сельской местности, свидетельствуют об обратном: «В детстве мы играли *в такие* [тряпичные] куколки. Раньше у нас были *хорошие куклы*, когда папа был. Ну, *настоящие* [фабричные]» [инф.: Л.А. Зайкова].

Фарфоровые куклы, тряпичные куклы с фарфоровой головой появляются в севернорусской сельской традиции уже в начале прошлого века: «Головы-то были. Раньше привезут, мы-то были из этого. В Галич все ездили, привезут глиняную такую голову» [инф.: В. Ермолаева]. Конечно, такая кукла была не в каждой семье. Она служила предметом роскоши, зависти и мечтаний, признаком успешности и достатка.

Иногда детские мечты о такой кукле воплощались уже во взрослой жизни: «Мама меня по городу искала, а я сидела с этим пупсом вот так и не могла оторваться. Это стало моей мечтой — занять такого пупса. Я стала даже деньги копить, чтоб мне купить такого. А где купишь? В пятьдесят втором году я родила дочь, в пятьдесят третьем году подруга из Ленинграда, она заканчивала там институт, привезла мне этого пупса» [инф.: З.А. Евшина]. Даже в середине 1960-х — начале 1970-х годов, когда фабричные куклы начали попадать на прилавки сельских магазинов, они не стали обыденностью и не утратили свой высокий статус: «Я помню, когда стали продаваться куклы, мама мне купила такую — гуттаперчевая, называлась кукла-пионерка. <...> А я своим покупала куклы. Их здесь мало было. Потом как-то привезли таких красивых куколок. И я ей купила куклу — в четвертом классе. Соседка увидела: мать купила этой куклу. Рядом соседка схватилась, пришла — уже кукол нету. Пришла ругаться, почему не сказали. У Нади куклы нету» [инф.: Т.М. Мустафанова].

В сезонных куклах находит отражение категория настоящего: материал для этих конструкций соответствует определенному годовому периоду или сцепленной с ним практике. Недолговечность большей части таких игрушек подчеркивает их принадлежность существующему здесь и сейчас, это предметы, у которых нет будущего. АФ позволяют увидеть весь спектр временных связей Августина Блаженного: «настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего» [Августин Блаженный 1992: 333].

Разнообразие культурных матриц определяет отношение ко времени. Т.И. Вендина рассматривает этнолингвистические модели времени: будущее/

небудущее время североамериканских индейцев, «относительные времена» в индоевропейских языках, «специальное прошедшее время, употребляемое только в том случае, если события, имевшие место в прошлом, не увенчались успехом», в австралийском языке каярдилд, разнообразие категорий времени в истории русского языка [Вендина 2009: 29–65]. Л.А. Черная выделяет «вечное» и «мимоидущее» время средневековой Руси [Черная 2009: 21–28]. Т.Б. Щепанская отмечает, что культуры, ориентированные на прошлое, рожают «способы производства будущего» [Щепанская 2012: 6–7]. Будущее предстает как часть социального пространства, которое уже есть или формируется в коллективных представлениях.

Предмет может служить поводом для интерпретации времени (индивидуальной, коллективной, институциональной) и позволяет говорить о существовании *предметного времени*. Человек наделяет предметы способностью отражать, сохранять и производить время (предметы, соотносимые с определенной эпохой, — маркеры культурного времени, предметы памяти — предметы, связанные с событиями или людьми, предметы, программирующие будущее, — четверговая соль, рождественская зола, пасхальное яйцо, дорожный оберег [Щепанская 2003: 228] и пр.), определяет точку отсчета и размещает их на временной шкале.

Аристотель рассматривал время «как число движения по отношению к предыдущему и последующему... время определяет движение, будучи его числом» [Аристотель 1937: 97]. Одним из признаков предметного времени становится возраст предмета. Он может быть выражен абсолютной (числовой) или относительной (не имеющей точного значения и рассматриваемой относительно выбранного параметра) величиной.

В различных областях науки сложились отличные подходы к интерпретации временных отрезков «в зависимости от того, в рамках какого уровня организации и движения материи, в рамках каких научных дисциплин они рассматриваются» [Артыков, Молчанов 1988: 137].

В антропологии определяющим становится культурный контекст, в том числе и для категории «возраста» (человека или предмета). Рассмотрим несколько кейсов, представляющих варианты моделей, используемых в культурной традиции при определении возраста антропоморфных фигур.

«И таково, и таково возраста...». Когда речь идет об атрибуции музейных предметов, их «возраст» определяют по трем временным параметрам: «поступление», «бытование», «изготовление». Какие параметры становятся базовыми при характеристике возраста антропоморфных предметов в народной культуре?

З.А. Евшина из с. Сумский Посад (Поморский берег Белого моря) днем рождения кукол считает время их появления в доме (кукла/время приобретения): «Вот, это у меня Валя, *пятьдесят третьего года рождения*. А это вот, Машенька. Машенька, которой уже тоже *двадцать лет*. Это Ванюша, ему тоже *девятнадцать лет*. Старый-престарый» [инф.: З.А. Евшина]. Сходным образом определяет возраст своих кукол жительница г. Петрозаводска: «Этой кукле вот уже *одиннадцать лет*. Вот, еще новые куклы появились. Я собираюсь собрать всю коллекцию. Пока вроде нравятся, ничего с этими куклами не происходит. Вот, *куклам уже три месяца*» [инф.: ж. ок. 50 л.].

Небольшой тряпичной кукле Раечке, привезенной из Кеми в 2008 г., было 76 лет (МАЭ РАН. НВФ 28-37). Ее сшила «из рибушок» по нашей просьбе

А.Н. Рудометова. Как оказалось, счет времени соотносится с возрастом, в котором она научилась шить кукол (кукла/время изготовления первой куклы): «Эта кукла — знаете, сколько ей лет? Мне — восемьдесят один, а ей — семьдесят шесть. [— Почему Вы так думаете?] А столько убавилось, столько ей. Я уже пять лет умела шить [кукол]» [инф.: А.Н. Рудометова].

В доме А.Е. Шутько на деревянной этажерке по соседству с иконами и коробочкой необходимых лекарств расположились две куклы фабричного производства — Марина и Кристина. Они того же возраста, что и внучки Анастасии Егоровны (кукла/внучки) и носят их имена: «Это Крестя — потолще (показывает куклу), а это Марина. Крестя была попоплей, Марина... Так я эту Крестей назвала. *Им по тридцать три года теперь, и куклам по столько.* Мои внученьки, я их любила до смерти, да и теперь люблю» [инф.: А.Е. Шутько].

В детских ролевых играх возникает необходимость использования нескольких кукольных персонажей, как, например, для игры «в семью», «в свадьбу». Дети распределяют роли, учитывая «возрастные характеристики». Относительный возраст АФ может зависеть от ее величины (старше/младше): «[— Больших шили кукол?] — Разные: и таково, и таково возраста. <...> Маленьких ребят наделаем, малехоньких. От, например, эту сашью от такую [большую куклу], а этих маленьких [кукол], детачкав таких» [инф.: А.К. Смирнова].

Взаимосвязь между размером антропоморфного предмета и возрастом человека прослеживается в погребальной обрядности. Общим местом для севернорусской сельской традиции стало маркирование возрастных отличий при установке могильных крестов. Высокие *большие* кресты означают место погребения взрослого, *небольшие* низкие крестики указывают на место детского захоронения. У белорусов конструктивные особенности могильного креста кодировали информацию пола взрослого, который определяли по толщине используемого материала [Никифоровский 1897: 291].

Самая маленькая кукла в коллекции умещается в спичечный коробок (зыбку), ее длина пять сантиметров (МАЭ РАН. НВФ 28-38). Кукла сделана В. Арсентьевой и М. Туголуковой (Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Лохново, 2010 г.). Такими куклами играли девочки подросткового возраста в с. Сумский Посад (Беломорский район Республики Карелия) и деревнях Лохново, Кобелево (Пинежский район Архангельской области).

Самой большой оказалась уже представленная выше кукла «с каменной» головой из Кадуйского района Вологодской области (46,5 см).

По наблюдениям Т.Б. Щепанской, куклами большого и среднего размера чаще играли девочки младшего возраста. Бывали случаи, когда подаренная кукла оказывалась вровень с ребенком, а иногда и больше его. Девочки постарше (подростки) предпочитали играть с небольшими покупными или сшитыми куклами¹¹. Размер куклы обратно пропорционален возрасту ребенка.

Антропоморфный конструктор. Иная картина с куклами, сделанными из одежды ребенка. Такие куклы использовались в качестве конструктора из мягких материалов: «Какая попадется, свою одежду возьмем маленькую, потом ее ищем, носильную [ту, которую носят. — Е.С.]. И все» [инф.: П.В. Смирнова]. Такой антропоморфный сверток, напоминающий младенца, оказывается пропорциональным росту своего владельца.

¹¹ Устное сообщение Т.Б. Щепанской, январь 2013 г.

Предметы одежды (детской, взрослой, вне конкуренции любимый всеми материнский платок) позволяли создавать разнообразных кукол: «Сколько бы раз ни делали эту куклу, она будет разная: потому что не тот угол взял, не то подобрал, не то сделал, и это все будет кукла разная», даже когда игрушку мастерили из сходных материалов: «Вышли две-три девочки, с одного платка [сделали] — платки наподобие, но куклы разные» [инф.: Е.И. Федоренко].

Платок становился не только конструктивным материалом, но и предметом обменных практик в кругу девочек подросткового возраста, овладевших навыками шитья и самостоятельно изготавливавших тряпичных кукол: «Если нам достанется такой вот рваный платок, это было для нас очень великое счастье. Вот, этим платком мы делились со всеми с подругами. Старались для ребенка что-то сделать: и бабушки — большинство, дадут че-то, какой-то платок. Мы уже с этим платком по всей деревне идем. — Я тебе дам, ты только мне тоже дай» [инф.: М. Туголукова].

В коллекции есть несколько кукол, сделанных из головных платков. Они были привезены из Архангельской, Вологодской, Полтавской областей. Все, кроме одной фигурки, напоминают завернутых в пелену младенцев. Последняя заслуживает подробного описания, поскольку это единственная встретившаяся мне кукла «в движении».

«Живая» кукла или кукла «в движении» (МАЭ РАН. НВФ 28-39). Смысл игры — перемещение куклы в пространстве. Эстетика восприятия — движение создает красоту: «Бежишь, и вот это все за ней развеивается — ленточки. То, что она в движении [нравилось]. Она вот такая живая, и мне все это очень нравилось. Я любовалась, любовалась, и так с ней бегала» [инф.: Н. Свиридюк]. Любование развеивающейся на ветру тканью присуще и детям, и взрослым. Одним из элементов традиционного костюма пинежанки становились «крылышки» и «перышки» («крылышки» — на плечах, со спины, «перышки» — спереди, выглядывали из-под лямок сарафана): два красных платка из легких шелковых тканей покрывали плечи и повязывались таким образом, что развеивались на ветру, создавая образ «летающей птицы» [инф.: Л. Смоленская, Н. Таборская и др.].

Кукла была реконструирована по детским воспоминаниям Н. Свиридюк: такую игрушку в детстве ей делала бабушка. Конструктивной основой служит крестовина из двух прутиков длиной 30 и 43 см. К длинному прутику прикреплена голова, сформированная из плотной белой хлопчатобумажной ткани, набитой мелким лоскутом. Донизу спускается «рубаха» — кусок белой хлопчатобумажной ткани. На прутик-ручки с обеих сторон привязано семь различных по длине кусочков ткани, имитирующих небольшие платочки: «Бабушка вешала платочки: вот такие обыкновенные платочки или вот такие, такие шерстяненькие» [инф.: Н. Свиридюк]. Один из них в память о бабушке — из ее ткани: «Вот эта тканюшечка точно бабушкина (хлопчатобумажная в клетку) — лежала давно, давно, давно» [Там же]. Морфология куклы «в движении» определяется функциональностью игрового предмета.

Куклы с крестовой основой из лучинок и палочек описываются в работах И.А. Морозова и Г.Л. Дайн, однако по внешним и функциональным характеристикам они отличаются от «живой куклы»: они используются в ролевых играх и походят на своих тряпичных сородичек, одетых в юбку/платье, кофту, платок [Морозов 2011: 38–39; Дайн 2007: 12–13]. Куклы с основой из скре-

ценных палочек были привезены из Малопургинского района Республики Удмуртия в 2011 г. (МАЭ РАН. НВФ 28–30/2–3).

Наиболее близкими по виду оказываются обрядовые крестики из прутиков, украшенные небольшими разноцветными лоскутами. Такие крестики ставили в Крещение на божницу, к окошку, выносили на улицу к колодцу [Морозов 2011: 241–242]. В Псковской и Смоленской областях к поперечной перекладине привешивали цветные ленты и узкие полоски ткани. Крещенские крестики представляют предметную проекцию ритуальных закрепощиваний, совершаемых накануне или в день праздника Богоявления (VI/I), несут ту же функциональную нагрузку, что и крестики, начерченные сажей, углем, мелом или краской на дверях жилища.

Таким образом, конструктивные особенности некоторых кукол связываются с ее функцией в игре или ритуале. К сходным выводам приходит И.А. Морозов, определяя «взаимозависимость между формой кукол, материалом, из которого они изготовлены, и их функциями в ритуале и игре» [Морозов 2011: 44]. А сама величина антропоморфных фигурок практически всегда соотносится с предметами, пользователем и окружающим пространством [Самойлова 2016: 5].

Рассмотренные примеры показывают существование различных подходов к интерпретации возраста антропоморфных предметов. Возраст определяется информантом по индивидуальной шкале: происходит выбор точки отсчета времени относительно того или иного параметра и определение его связи с АФ.

Возраст АФ может связываться с конкретным событием, временем появления предмета и с его морфологическими признаками (величина предмета). Для обозначения используются абсолютные и относительные величины. Абсолютные фиксируются в случаях, когда кукла соотносится с конкретным человеком (владельцем куклы, уехавшей внучкой, дочкой и пр.), выполняет замещающую функцию и имеет числовое выражение. Относительные — когда эталоном становится величина самого предмета. Для обозначения относительной величины используется категория качественных наречий, выражающая степень сравнения [Розенталь, Теленкова 1986: 341] (относительную разницу в качестве, свойственном предметам): старше/младше, больше/меньше. Отмечается связь величины игровых и мемориальных фигурок с возрастом их обладательниц (прямая и обратно пропорциональная зависимость). Позиционную зависимость формы и вещества (последнее зависит от формы, именно она определяет род и выбор материала, из которого изготавливается предмет) рассматривает М. Хайдеггер [Хайдеггер 2008: 104–105].

Материалы, собранные в этой коллекции (АФ и комментарии), позволяют рассматривать антропоморфные фигуры как предметные проекции обрядовых и повседневных практик и как объективированные формы, представляющие часть проективного мира народной культуры. Приведенные примеры дают возможность понять некоторые закономерности и процессы в области предметного моделирования, динамику фиксируемых изменений в диахронии и синхронии культурных традиций. Так, происходит замещение тряпичной куклы фабричной, усложняется проективная модель мемориальных АФ, изначально включавшихся в тексты культуры на принципах заместительства конкретного человека (заместители отсутствующих — умерших или живых). В современных практиках происходит абстрактизация предметных связей,

что приводит к разветвлению звеньев в цепочках памяти: предмет может рассматриваться как память о нескольких людях и обобщаться до категории рода в целом, напоминать о событии, доме и прочем, т.е. движение от метонимии (АФ из вещей, принадлежавших замещаемому, как часть от целого) к метафоре — символическому построению связи.

В статье удалось представить лишь незначительную часть предметов коллекции, поскольку внимание акцентировалось на принципах и подходах комплектации собрания АФ с позиции перспектив и новых возможностей для изучения вещественного мира культуры.

Библиография

- Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 816 с.
- Аристотель.* Физика / Пер. В.П. Карпова. Изд. е 2. М.: Соцэкгиз, 1937. 228 с.
- Артыков Т.А., Молчанов Ю.Б.* О всеобщем и универсальном характере времени // Вопросы философии. 1988. № 7. С. 134–140.
- Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988. 281 с.
- Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 1999. 224 с.
- Вендина Т.И.* Категория времени в языке русской традиционной культуры // Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда: Сб. статей. / Отв. ред. Л.А. Софронова, А.В. Семенова. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 29–65.
- Виноградов Г.С.* «Страна детей». Избранные труды по этнографии детства / Сост., био и библиография А.В. Грунцовского, подгот. текста и коммент. А.Ф. Некрыловой, архивные материалы В.В. Головина. СПб.: Анатолия, 1999. 539 с.
- Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* Кукла // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 27–31.
- Воропай О.* Звичаї нашого народу: Етнографічний нарис. Харків: Фоліо. 2007. 511 с.
- Герус Л.М.* Українська народна іграшка кінця XIX — першої половини XX ст. (історія, типологія, художні особливості): Дис... канд. мистецтвознавства: Львів, 1997. 174 с. + прилож., без паг.
- Герус Л.М.* Українська народна іграшка. Львів: Ін-т народознавства НАН України, 2004. 264 с.
- Дайн Г.Л., Дайн М.Б.* Русская тряпичная кукла: культура, традиции, технология. М.: Культура и традиции, 2007. 120 с.
- Зеленин Д.К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.
- Зеленин Д.К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М.: Индрик, 1994. 400 с.
- Зеленин Д.К.* Троещеплятица (этнографическое исследование) // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М.: Индрик, 1994. С. 105–150.
- Комарова С., Катушкин М.* Кукольные люди. Культурологический очерк. СПб.: Абрис, 1999. 122 с.
- Комарова С.* «Кукольные мужички в собрании РЭМ: гендер в предметно-символических формах культуры» // Мужской сборник. «Мужское» в традиционном и современном обществе: Константы маскулинности. Диалектика пола. Инкарнации «мужского». Мужской фольклор / Сост. И.А. Морозов; отв. ред. Д.В. Громов, Н.Л. Пушкарева. М., 2004. Вып. 2. С. 151–156.
- Лич Э.* Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии: Пер. с англ. М.: Восточная литература РАН, 2001. 142 с.
- Морозов И.А.* Феномен куклы в традиционной и современной культуре: кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма. М.: Индрик, 2011. 352 с. с ил.

Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры: праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина. М.: Индрик, 2004. 920 с.

Найден О.С. Українська народна лялька. Київ: Стилос. 2007. 240 с.

Назаркин А.Д. Игрушка волокуша для игры «в обозы» // Живая старина. 2009. № 3. С. 17.

Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно этнографического центра: В 2 т. Псков: Изд во Областного центра народного творчества, 2002. Т. 1. 688 с.

Никифоровский Н.Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск: Губернская типолитография, 1897. 30 с.

Панченко А.А. Исследования в области народного православия: деревенские святыни Северо Запада России. СПб.: Алетейя, 1998. 305 с.

Патканов С.К. Остяцкая молитва. Иртышские остяки и их народная поэзия: Заговоры, поверья и сказка / Сост. Ю.Л. Мандрика; под ред. С. Г. Пархимовича; пер. с нем. Е. Матюхиной. Тюмень: Изд во Ю. Мандрики, 1999. Т. 1. 400 с.

Покровский Е.А. Детские игры: преимущественно русские: в связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной. СПб.: Фирма «Ланс», 1994. 390 с.

Поплинский Ю.К. Пополнение коллекционного фонда отдела Африки МАЭ в последнее двадцатилетие XX в. // 285 лет петербургской Кунсткамере: Материалы итоговой научной конференции МАЭ РАН, посвященной 285 летию Кунсткамеры. СПб.: Наука, 2000. С. 63-77. (Сб. МАЭ. Т. XLVIII).

Попова Е.В. Календарные обряды бессермян. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2004. 256 с.

Пропт В.Я. Русские аграрные праздники: Опыт историко этнографического исследования. М.: Лабиринт, 2000. 192 с.

Редькова Е.С. «Гойки погойки, погоним домойки...» Детские полевые голошения, уканыя, заклички, наигрыши: Учеб. метод. пособие по народной традиционной культуре: В 2 ч. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2008. Ч. 1. 62 с.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1986. 543 с.

Самойлова Е.В. Кукла в системе обрядов жизненного цикла: к вопросу о функциональности ритуального предмета // Материалы Междунар. науч. практ. конф. «VII Серебряковские научные чтения». Волгоград: Экспо, 2009. Кн. 2. С. 103-118.

Самойлова Е.В. Антропоморфные фигуры в контексте похоронно поминальной обрядности севернорусской деревни // Фольклор и этнография. К девятидесятилетию со дня рождения К.В. Чистова: Сб. науч. статей / Отв. ред. А.К. Байбурун, Т.Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 204-232.

Самойлова Е.В. Антропоморфные проекции родства в контексте свадебной обрядности севернорусской деревни к XIX - н. XXI в. // Алгебра родства / Науч. ред. В. Попов. СПб.: МАЭ РАН, 2013. Вып. 14. С. 204-233.

Самойлова Е.В. Тексты, связанные с антропоморфными изображениями, в современной ритуальной традиции севернорусской деревни. Рукопись // Традиции народной культуры: проблемы изучения, сохранения и восстановления / Отв. ред. Г.П. Парадовская, О.А. Федотовская. Вологда: Вологод. гос. ун-т, 2016. 142 с.

Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Академический проект, 2008. 528 с.

Черная Л.А. «Мимойдущее время» Древней Руси / Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда: Сб. статей. / Отв. ред. Л.А. Софронова, А.В. Семенова. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 21-28.

Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции конца XIX - начала XX вв. М.: Индрик, 2003. 528 с.

Щепанская Т.Б. Ржавая мережа: к вопросу о трансформации и вариативности традиционной культуры // Фольклор и этнография. К девятидесятилетию со дня рождения К.В. Чистова: Сб. науч. статей / Отв. ред. А.К. Байбурун, Т.Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 48-61.

Щепанская Т.Б. Введение. Концепт будущего в фольклоре и традиции // Аспекты будущего по этнографическим и фольклорным материалам: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Т.Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 11-12.

Hobsbawm E. The invention of tradition // The invention of tradition / Eds. E. Hobsbawm, T. Renger. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 12–14.

Архивные материалы

ПМА 2009–2010, АФЭЦ ОАФ, колл. № 245, 247, 260 Вологодская обл., Сокольский, Никольский, Нюксенский, Бабушкинский, Тарногский, Тотемский р ны.

ПМА 2011 Вологодская обл., Бабаевский р н (совм. с ОНМЦ и МАЭ РАН).

ПМА 2014 Ленинградская обл., Бокситогорский р н, д. Анисимово.

Инф.: В.Н. Арсентьева, 1950 г.р., М.В. Туголукова, 1949 г.р., Архангельская обл., Пинежский р н, д. Лохново. Запись в СПб., 2010 // ПМА.

Инф.: В.Н. Арсентьева, 1950 г.р., Н.М. Козьмовская, 1943 г.р., М.В. Туголукова, 1949 г.р., М.Н. Минина, 1944 г.р. Архангельская обл., Пинежский р н, д. Лохново, 2011 // ПМА.

Инф.: В.Н. Арсентьева, 1950 г.р., Архангельская обл., Пинежский р н, д. Лохново, 2012 // ПМА.

Инф.: А.С. Балахонская, 1922 г.р., Балахонский М.А., 1922 г.р., Костромская обл. Ножкинский р н, д. Григорьевское, 2008 // ПМА, АФЭЦ ОАФ. № 7859.

Инф.: Л.П. Богданова., ок. 65 л., Е.А. Шитова, ок. 55 л., Удмуртия, Завьяловский район, д. Каменное, запись в СПб., 2010 // ПМА.

Инф.: Денисова Т.М., 1929 г.р. Костромская обл., Макарьевский р н, д. Вышково, 2009 // ПМА, АФЭЦ ОАФ. № 253 А015–011 (1429).

Инф.: А.П. Голубева, 1922 г.р. Вологодская обл., Шекснинский р н, д. Артемьево, 2005 // ПМА.

Инф.: ж. ок. 70 л., карелка, Карелия, Олонецкий р н, с. Михайловское. Запись: Т. Щепанская, Е. Самойлова, 2009 // ПМА.

Инф.: ж., ок. 50 л., г. Петрозаводск. Запись: Е. Самойлова, К. Логинов, 2011 // ПМА.

Инф.: ж. ок. 40 л., одна из участниц фольклорного коллектива «Мокшень байарава», Мордовия, Zubovo Полянский р н, с. Вад Селищи. Запись в СПб., 2012 // ПМА.

Инф.: А.А. Зиновьева, 1922 г.р. Вологодская обл., Харовский р н, д. Никольское. Запись: Е. Самойлова, В. Кулиганов, 2007 // ПМА, Архив ОНМЦ АФ. № 284.

Инф.: З.А. Евшина, 1930. Карелия, Беломорский р н, с. Сумский Посад, 2009 // ПМА, АФЭЦ ОАФ. № 248 А003–008 (1229).

Инф.: В. Ермолаева, 1930 г.р. Костромская область, Чухломский район, Панкратовское с/п, д. Панкратово. Запись: Е. Самойлова, И. Мехнецов, А. Ищенко, 2008 // ПМА, АФЭЦ Основной видеофонд (ОВФ). № 1193.

Инф.: Л.А. Зайкова, ок. 70 л. Карелия, Беломорский р н, с. Сумский Посад, 2009 // ПМА, АФЭЦ ОВФ. № 1502.

Инф.: Л.М. Кичигина, ок. 70 л. Республика Карелия, Беломорский район, с. Нюхча, 2009 // ПМА, АФЭЦ ОВФ. № 1505.

Инф.: Л.Н. Клементьева, ок. 70 л. Вологодская обл., Нюксенский р н, д. Пожарище, 2010. Запись: Е. Самойлова, О. Коншин // ПМА, ОВФ. № 1710.

Инф.: В.Н. Князева, 1930, Вологодская обл., Кадуйский р н, с. Никольское, 2010 // ПМА, АФЭЦ ОВФ. № 1759.

Инф.: Н.М. Колчина, ок. 70 л., Кировская обл., Яранский р н, д. Дворяне, 2010 // ПМА, АФЭЦ ОВФ. № 1862.

Инф.: мастер по народной кукле, ж. ок. 45 л., СПб, 2009.

Инф.: Т.М. Мастафанова, 1934. Карелия, Беломорский р н, с. Шуерцкое, 2009 // ПМА, АФЭЦ ОАФ. № 248 А001–18 (1135).

Инф.: В.Н. Переломова, ок. 40 л., проживает в Усть Нейском р не. Запись в г. Кострома, 2009 // ПМА, АФЭЦ ОВФ. № 1683.

Инф.: А.Н. Рудометова, 1928 г.р., Карелия, г. Кемь, 2008 // ПМА, АФЭЦ ОВФ. № 1384.

Инф.: Н. Свиридюк, 1967 г.р., г. Полтава, 2010 // ПМА.

Инф.: А.К. Смирнова, 1914 г.р., Псковская область, Новоскольниченский р н, Раменский с/с, д. Фетинино. Запись Г. Лобкова, Л. Бухарева, 1988 // АФЭЦ ОАФ. № 2346–03.

Инф.: Л.А. Смоленская, Н.Л. Таборская, А. Зальвская, Е. Авакуева, В. Фефилова. Архангельская обл., Пинежский р н, д. Кеврола, 2012 // ПМА.

Инф.: А.С. Смылова, 1914 г.р., А.П. Герасимова, 76 л., Е.И. Андреева, 1928 г.р., Е.И. Лаврова, 1930 г.р., А.И. Иванова, 1930 г.р. Новгородская обл., Мошенской р н, Ореховский с/с, д. Ягайлово. Запись: О.В. Шишкова, М.В. Розов, 1989 // АФЭЦ ОАФ. № 2699.

Инф.: Л. Соловьева, ок. 45 л., Удмуртия, Малопургинский р н, Иваново Самарское. Запись: Е. Самойлова, Е. Коротаева, 2012 // ПМА.

Инф.: Сысоева М.А., мастер по народной кукле, Вологодская обл., г. Череповец. Запись в СПб., 2009 // ПМА.

Инф.: М.В. Туголукова, 1949 г.р. Архангельская обл., Пинежский р н, д. Лохново, 2012 // ПМА.

Мастер по народной кукле, ж. ок. 50 л., Санкт Петербург, 2009 // ПМА.

Инф.: Е.И. Федоренко, ок. 65 л., Полтавская обл., Полтавский р н, с. Шмыгли, 2010 // ПМА.

Инф.: М.П. Широкова, 1927 г.р. Вологодская обл., Харовский р н, д. Никольское. Запись: Е. Самойлова, В. Кулиганов, 2007 // ПМА, Архив ОНМЦ АФ. № 285.

Инф.: А.Е. Шутько, 1918 г.р., Карелия, Беломоский р н, с. Шуерецкое, 2009 // ПМА, АФЭЦ ОВФ. № 1556.

Сокращения

АФЭЦ Архив Фольклорно этнографического центра Санкт Петербургской государственной филармонии имени Н.А. Римского Корсакова

АФ аудиофонд

ОАФ основной аудиофонд

ОВФ основной видеофонд

ОНМЦ (Вологда) Областной научно методический центр культуры и повышения квалификации, г. Вологда

ПМА полевые материалы автора

обл. область

р н район

с/с сельский совет